

ничто не могло умалить ее величия. Рассказывают, что как-то раз во время очередных гастролей Фаина Георгиевна, отказавшись от обеда, попросила молодого актера принести ей в номер чашечку кофе. Коллега оказался человеком расторопным и вернулся раньше, чем его ждали. Открыв дверь и увидев абсолютно голую Раневскую с папироской, он ошарашенно застыл на пороге. Покровительский бас актрисы прервал неловкую паузу: «Деточка! Вас не шокирует, что я курю «Беломор»?!» И подобным экстравагантным «штучкам» несть числа. На расспросы любопытствующих о ее взаимоотношениях с мужчинами неизменно говорила: «Я сплю с Пушкиным... Читаю его допоздна. Принимаю снотворное. И снова читаю. Мне даже приснилось, что он входит и говорит: «Как ты мне, старая дура, надоела!»...»

Тех, кому довелось слышать Раневскую «вживую», поражала ее способность превращать любой бытовой разговор в содержательные и глубокие монологи. На советы и просьбы знакомых написать о себе книгу отшучивалась, мол, кому нужна сегодня «книга жалоб»? «Моя дура-домработница купила курицу и сварила вместе с потрохами. Пришлось выбросить ее на помойку. Испортилось настроение на целый день». — «Фаина Георгиевна, наплюйте на эту курицу, — начинает успокаивать собеседник. — Стоит ли из-за этого рас-

ски относилась к искусству «движущихся картинок». И к старости запрещала снимать себя, а на вопросы «Почему?», отвечала, что, когда ей снятся кошмары, это значит, она снова снимается в кино. Но все же благодаря именно своим киноролям — не расстававшейся с дымящей сигаретой таперше из «Александра Пархоменко», неугомонной Маргарите Львовне, она же Лев Маргаритыч из «Весны», невозмутимой даме, которую все время нервировал Муля из «Подкидыша», — в народе актрису обожали. Даже суровый ценитель советского искусства Иосиф Виссарионович в свое время заметил: «Товарищ Раневская без всяких нахлопков и грима всегда разная». И, пожалуй, как ни в чем был единодушен со своим заокеанским коллегой Франклином Рузвельтом. Президент Соединенных Штатов, посмотрев картину «Мечта», назвал Раневскую одной из самых трагических актрис, которых он видел когда-либо в жизни.

К похвалам, чествованиям и празднованиям различных круглых дат Фаина Георгиевна всегда относилась недоверчиво. Любое напоминание о юбилее вызывало у нее недоумение: «Дорогие мои, да вы с ума сошли. Я расскажу вам, как это будет выглядеть. Сидит старуха в кресле, и все поют гимны ее подагре. Потом ей дарят 150 дерматиновых папок, она вызывает грузовое такси, чтобы все это увезти, приезжает домой и на нервной почве «дает дуба». Зачем мне и вам это надо!»

Елена КУЗЬМЕНКО

ЦАРСТВЕННАЯ ФУФА

27 августа Фаине Георгиевне Раневской исполнилось бы 100 лет. Телевидение не забыло об этой дате («В поисках утраченного», ВТ. ОРТ. 20.00; «Весна», ВТ. ОРТ. 21.40; «Осторожно, бабушка», ВТ. ТВ-6. 21.05; «Дальше — тишина», СБ. ОРТ. 15.20). Вспомним и мы великую Фаину — выдающуюся актрису нашего столетия.

«Муля, не нервируй меня!» — кто из нас хотя бы раз в жизни не произносил эту знаменитую фразу. Правда, не все уже помнят, в каком фильме произнесла ее Фаина Георгиевна. И не все знают, что актриса сочинила ее сама, а затем не раз об этом жалела.

«Муля, не нервируй меня!» — преследовало ее всю жизнь. Так при встрече с ней вздыхали томные поклонницы и вместо «Здравствуйте» взволнованно шептали: «Муля...» Высокие партийные чины, изредка посещавшие театральные премьеры, не могли устоять от соблазна обратиться к актрисе с постылыми словами: «...Не нервируй меня!»... Каждый ее выход на улицу сопровождался криками мальчишек: «Муля, не нервируй меня!» На что Раневская царственным тоном порой отвечала: «Дети, идите все в ж...!»

Произносить эпохальные фразы на сцене, в кино и в жизни было написано ей на роду. В театре им. Моссовета высказывания «Великой» передавались из уст в уста, а ее острого языка и меткого глаза, замечавшего

все до незначительных подробностей, побаивались многие. Одного режиссера Раневская прозвала «вытянутым лилипутом», администратора театра — «человеком с глазами конокрада», самоуверенную партнершу по сцене — «гремучей змеей с колокольчиком». Но и к самой себе была беспощадна: «Я, как старая пальма на вокзале, никому не нужна, а выкинуть жалко». Когда до Раневской дошли слухи, что молодежь театра за глаза называет ее «Фуфой», она, незамедлительно среагировав, стала величать актера, выведившего ее после спектакля на поклон, — «Фуфовозом». На вопросы о самочувствии обычно отвечала: «Спасибо, симулирую здоровье». А на склоне лет, когда к букету разных болезней добавились еще и камни в желчном пузыре, свои письма к друзьям подписывала: «Ваша дама с камнями»...

Она всячески избегала давать интервью, не любила прелюдно открывничать, а досаждавших ей журналисток называла «амазонками в климаксе» (к журналистам относилась лояльнее). Личная жизнь Раневской для большинства осталась легендой. И хотя «гениальная старуха» сама нередко давала пищу для пересудов,

страиваться! Да не в деньгах ведь счастье». — «Мне жалко эту курицу. Ведь для чего-то и она родилась!» И затем плавно переходит на себя: «Я тоже родилась недовыявленная и ухожу из жизни недопоказанная. Я недо... И в театре тоже. Кладбище несыгранных ролей».

В последние годы под несмолкавшие овации зрительного зала Раневская выходила на сцену лишь в одном спектакле «Правда — хорошо, а счастье лучше». С театром у нее были особые счеты. Воспитанная на классическом репертуаре, «болевшая» Станиславским и Таировым, прошедшая их школу, она требовала от своих партнеров полной самоотдачи. А когда ее не получала, трагически восклицала: «Это не театр, а дачный сортир. Так тошно кончать свою жизнь в сортире. Я туда хожу, как в молодости ходила на аборт, а в старости рвать зубы...»

В кино она сыграла до обидного мало — несколько «неглавных» ролей и эпизоды. Раневская критиче-

Ranевская ф. Г.

26.08.96